

Содержание, 2. изд. 1890 г.

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ XXVI. 1890

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1890

ПУТЕШЕСТВІЕ на верховья Орхона, къ развалинамъ Каракорума.

Н. М. Ядринцева.

Члена-сотрудника И. Р. Г. О.

(Читано въ общемъ собраніи И. Р. Г. О. 21 февраля 1890 г.).

Цѣль экспедиціи заключалась въ изслѣдованіи долины Орхона, не только въ отношеніи географическомъ и этнографическомъ, но и въ отношеніи археологическомъ.

Я избралъ для путешествія эту часть Монголіи потому, что она представляетъ особый интересъ для исторической географіи. Эти мѣста посѣтили когда-то Марко-Поло, Пляно-Карпини (въ 1246 г.) и Рубруквисъ (въ 1252 г.), но современные путешественники почти не коснулись ихъ, такъ какъ районъ этотъ представляетъ нынѣ пустыню и утратилъ прежнее историческое значеніе.

Русскіе изслѣдователи Монголіи—Н. М. Пржевальскій, Г. Н. Потанинъ, М. Н. Пѣвцовъ — много сдѣлали для ея изученія, но не мало мѣстностей въ ней еще требуютъ детальнаго изслѣдованія. Въ такимъ мѣстностямъ принадлежитъ между прочимъ долина Орхона, относительно верхней части теченія котораго являлось не мало недоразумѣній, противорѣчій и неточностей. Достаточно сказать, что Тола, рѣка хорошо извѣстная китайцамъ за притокъ Орхона, означалась на многихъ новѣйшихъ картахъ впадающей въ Хора-Голь ¹⁾. Точно также неопредѣленно и разнорѣчиво озна-

¹⁾ Тола означена впадающей въ р. Хора-Голь, притокъ Орхона, а не въ Орхонъ, на картѣ приложенной къ статьѣ ген. штаба полковника Баторскаго, известія И. Р. Г. О.—Т. XLVI.

чалось теченіе верхняго Орхона. Наносилась рѣка Хадасынъ вмѣсто Харухи ²⁾, Наринъ являлся притокомъ Угей-Нора ³⁾, хотя это есть протока изъ озера Угей-Нора. Неизвѣстно было долго, что существуютъ два Орхона до озера Угей ⁴⁾, а не одинъ. Между тѣмъ верхнее теченіе Орхона подлежало подробному изслѣдованію, въ виду его историко-географическаго значенія. Здѣсь, по всѣмъ показаніямъ, находился центръ Монгольской имперіи, здѣсь были первыя столицы Чингизидовъ и къ Орхону приурочивался знаменитый Каракорумъ ⁵⁾, столица, основанная Чингизомъ.

„Военно-статистическій Очеркъ Монголіи“ въ Сборникѣ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи, вып. XXXVII, изд. 1889 г. а также на топографической картѣ изд. Главнаго Штаба 1888 г. Между тѣмъ, на картахъ Клапрота, Лакшера и Пѣвцова устье Толи означено вѣрнѣе.

²⁾ Рѣка Хадасынъ означена на картѣ Пѣвцова и другихъ, но такой рѣки нѣтъ, а есть станція Хадасынъ; рѣка же здѣсь Харуха, впадающая въ р. Толи и имѣющая истоки въ сѣв.-восточныхъ отрогахъ Хангая въ горахъ Урбанъ-Хото, какъ намъ говорили. Харуху мы прослѣдили отъ Толи; это мелководная рѣка, но имѣющая не менѣе 150 верстъ теченія.

³⁾ На картѣ Монголіи М. В. Пѣвцова, 1883 г. означено, что параллельно Орхону впадаетъ въ озеро Угей-Норъ р. Норинъ. Здѣсь, при опросныхъ свидѣніяхъ, получилось недоразумѣніе. На самомъ дѣлѣ, Норинъ маленькая ничтожная протока, соединяющая Кокшинъ-Орхонъ съ Угей-Норомъ. Есть и еще рѣчка Норинъ, впадающая въ Кокшинъ-Орхонъ недалеко отъ Эрдени-Цзоо, но это тоже не самостоятельная рѣка. Самое названіе этихъ рѣчекъ, Норинъ, можетъ означать, что это названіе онѣ получили отъ Норинъ-Янъ—станціи по пути къ Каракоруму.

Дорога отъ Угей-Нора къ югу, въ Китай, и доселѣ идетъ по Кокшинъ-Орхону.

⁴⁾ На всѣхъ картахъ обыкновенно означался одинъ Орхонъ, но уже А. М. Позднѣвъ упоминаетъ, что около Эрдени-Цзоо соединяются два Орхона—Кокшинъ-Орхонъ (старый) и Ихе-Орхонъ. На картѣ Г. Н. Потанина, по опроснымъ свидѣніямъ, нанесено уже два Орхона. Это вполнѣ подтвердилось при нашихъ наблюденіяхъ. Проѣхавъ по тому и по другому Орхону, мы нанесли ихъ на карту.

Истоки Орхона доселѣ не опредѣлены и показываются различно. Иногда показывается до 8 притоковъ, но названія ихъ противорѣчивы. (Сравни карты Пѣвцова, Клапрота, Потанина). Мы видѣли въ вершинахъ два истока изъ горы Сабуръ-Ханрхона, одинъ истокъ изъ альпійскаго озера. По собранннмъ свидѣніямъ, далѣе Орхонъ принимаетъ справа р. Уласутай (Улятай на другой картѣ); Ковекъ, Хомырды. Слева три толи, изъ которыхъ одна называется Убуръ-Толи, другая Аръ-Толи, далѣе Хошетъ.

⁵⁾ О положеніи Каракорума нами собрана обширная литература и переведены изслѣдованія Абель-Ремюза. Рассмотрѣвъ, сравненн карты, причемъ мы изучили старинныя карты іезуитовъ въ національной библиотекѣ въ Парижѣ. Мы убѣдились по китайскимъ картамъ, что Хора-Болгосунъ развалины древней Тувксской столицы и Уйгурской.

Пользуясь поддержкою Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и покровительствомъ его сятельства графа А. П. Игнатьева, предприняли путешествіе въ Монголію въ лѣто 1889 г. Составъ экспедиціи былъ небольшой: бурятскій тайша С. А. Пирожковъ, получившій образованіе въ гимназій, исполнялъ роль переводчика; поручикъ Смысловскій производилъ топографическія работы и велъ маршрутную съемку; крещеный монголь работникъ, взятый въ Кяхтѣ и вожакъ монголь, бывшій на Тамирѣ и Толѣ — всего пять человѣкъ. На экспедицію Отдѣлъ могъ отпустить всего 400 руб. Конечно, съ этими средствами невозможно было идти, поэтому С. А. Пирожковъ прибавилъ 200 руб., какъ человѣкъ состоятельный, а остальные издержки, въ количествѣ болѣе 400 рублей, я принялъ на себя. Кромѣ того насъ снабдилъ припасами и удешевилъ сборы кяхтинскій купецъ И. Д. Синицынъ. При такихъ ничтожныхъ средствахъ трудно было много сдѣлать.

Между другими цѣлями мы имѣли въ виду провѣрить движеніе китайской колонизаціи къ нашимъ границамъ по Орхону и сдѣлать наблюденія надъ кочевнымъ бытомъ монголовъ, сравнить ихъ прошлое, по существующимъ описаніямъ, съ настоящимъ.

Маршрутъ нашъ былъ слѣдующій: отъ Кяхты по Орхону до рѣки Хора-Голь, затѣмъ по рѣкѣ Хора-Голу вверхъ до кумирни Дорхе, переходъ хребтами на рѣку Толу, слѣдованіе по рѣкѣ Харухѣ до Хадасына на Улисутай-Ургинскій трактъ, озеро Угей-Норъ и затѣмъ слѣдованіе по лѣвой сторонѣ Орхона въ долину Далахинъ-Тола, гдѣ находятся развалины Хора-Болгосуна и древняго города (450 верстъ отъ Кяхты). Экскурсія къ Цасанъ-Нору и на гору Хотондъ, путь по р. Джермантѣ до вершинъ Орхона, возвращеніе къ Хора-Болгосуну и слѣдованіе до монгольскаго монастыря Эрдени-Цзо, переходъ на Кокшинъ-Орхонъ, остановка на правой сторонѣ Кокшинъ-Орхона на озерѣ Цайдамъ близъ могильниковъ и возвращеніе на озеро Угей-Норъ. Отъ Угей-Нора экспедиція направилась по тракту въ Ургу и возвратилась въ Кяхту.

Мы держались этого маршрута, какъ новаго, избѣгая попасть на пройденный путь г. Потанинымъ и идя въ сторонѣ отъ почтоваго Ургинскаго тракта.

Все путешествіе заняло отъ Кяхты и обратно 50 дней, въ которые мы сдѣлали верхомъ 1500 верстъ. Совершить этотъ путь при ничтожныхъ средствахъ возможно было лишь при неутомимости и энергіи моихъ товарищей.

Результатомъ экспедиціи было—нанесеніе новаго матеріала на карту верхняго теченія Орхона, подробная съемка между Угей-Норомъ, Джермантою и вершинами Орхона; съемка плановъ развалинъ городовъ, открытіе остатковъ трехъ дворцовъ по Толъ и Орхону. Далѣе означены на картѣ, изучены и классифицированы по типамъ верексуры и могильники. Осмотрѣны древности Эрдени-Цзо. Открыты остатки древнихъ надписей въ Эрдени-Цзо и значительныя руническія надписи на могильникахъ на Орхонѣ, съ великолѣпными монументами изъ мрамора и гранита. Такія открытія были для насъ неожиданны, такъ какъ ни одинъ путешественникъ не упоминалъ о нихъ. Нечего говорить, что средства и силы наши были слабы, въ виду находокъ подобныхъ развалинъ. Съемку валовъ и развалинъ приходилось дѣлать на глазъ на 5-ти верстномъ масштабѣ. Испещренные надписями камни часто нельзя было перевернуть, такъ какъ между ними были несомнѣнно вѣсившіе отъ 400 до 500 пудовъ. Мы дѣлали поэтому скорѣе рекогносцировку. Пожать плоды предстоитъ слѣдующей экспедиціи. По крайней мѣрѣ мы убѣдились въ томъ, что долина Орхона далеко не пустыня и сохраняетъ драгоцѣнные остатки и памятники для исторіи и географіи.

Теперь перейду къ характеристикѣ посѣщенной нами мѣстности.

Относительно характера этой части сѣверной Монголіи, къ сѣверу отъ Хангая, у ученыхъ-географовъ существуютъ различныя взгляды. Кто изъ европейскихъ путешественниковъ не описывалъ унылое впечатлѣніе Монголіи? Но если посмотрѣть на карту пройденной нами мѣстности и сообразить сумму географическихъ, этнографическихъ и историческихъ условій, окружавшихъ эту мѣстность, то нельзя не придти къ иному представленію.

Къ сѣверу отъ пустыни лежитъ возвышенная мѣстность Хангай, съ которой вытекаютъ значительныя рѣки: изъ нихъ Ононъ, Керуленъ текутъ къ востоку, на западъ течетъ рѣка Селенга со множествомъ притоковъ и Орхонъ. Долина Керулена, откуда пришелъ великій завоеватель Чингизъ и долина Орхона, гдѣ онъ основался на мѣстѣ Наймановъ-Кераитовъ, играли вѣскольکو вѣковъ видную роль въ исторіи народовъ Центральной Монголіи.

„Читая исторію татаръ“, говоритъ Абель-Ремюза, „видишь, что страна, къ востоку отъ Алтайскихъ горъ и къ югу отъ Байкала, всегда была центромъ могущества народовъ тюркской и монгольской расы; по всей вѣроятности, въ этой области существуетъ стеченіе тѣхъ обстоятельствъ, которыми природа или случай, кажется,

обуславливаетъ для нѣкоторыхъ привилегированныхъ странъ то, что онѣ, если можно такъ выразиться, служатъ сборнымъ пунктомъ для окружающихъ народовъ". Приведемъ затѣмъ цитату китайскаго историка (Шень-Ю-Цзи): „Хоринъ на сѣверѣ великой Шамо, на югѣ отъ горъ Хансай, на сѣверо-западѣ рѣки Орхона былъ стариннымъ пунктомъ мѣстопребыванія Хойхэ (Уйгуровъ). Здѣсь была еще главная ставка сѣверныхъ Сюнну. Это мѣсто, въ которомъ все дышетъ для того, чтобы образовать государство въ Ханкаѣ“.

Таково мнѣніе однихъ. Но не таково оно вообще. Знаменитый Рихтгофенъ, безъ сомнѣнія, лучшій знатокъ топографіи Азіи, находитъ тѣ же мѣста степными, непригодными для культуры, лишенными стоковъ. Дивясь, почему Оготай выбралъ здѣсь мѣсто для столицы, знаменитый геологъ говоритъ: „никогда капризъ какого-либо князя не доходилъ до того, чтобы выбрать болѣе неподходящее мѣсто. Съ исчезновеніемъ населенія здѣсь должна была исчезнуть и культура“.

Нечего удивляться противорѣчію въ такой характеристикѣ. Есть основанія для той и другой, въ чемъ мы убѣдились, пройдя по Орхону. Если мы представимъ себѣ плоскость Монголіи, на высотѣ отъ 2000 до 4000 футовъ съ безлѣсными хребтами, со степными, голыми безлѣсными плато, слабо орошаемыми маловодными рѣками и пересыхающими ручьями, то мы поймемъ, что мѣстность, по представленію культурнаго европейца, покажется неблагоприятною. Я долженъ подтвердить это личнымъ впечатлѣніемъ во время странствія по Орхону.

Чѣмъ далѣе мы удалялись отъ нашей границы, тѣмъ рѣзче выступалъ характеръ горной Монголіи. Лѣса, бывшіе на сѣверныхъ склонахъ, исчезли. Пространство между Хора-Голомъ и Толой, гдѣ мы шли 9 дней, представляло горную пустыню съ пересохшими ручьями, безводную до того, что при большихъ переходахъ лошади иногда оставались на свѣжей травѣ безъ питья. Только предусмотрительный монголъ могъ провести черезъ эту мѣстность. Большіе, величественные хребты, какъ Замаръ, были голы и не орошались ручьями. Только на Толгѣ и устьѣ Орхона показался ивнякъ, а потомъ опять та-же голая мѣстность. Озеро Угей-Норъ также не имѣло вокругъ себя растительности, исключая камышей; оврага, раскиданныя въ этой мѣстности, носили званіе Цалонъ-Норовъ за ихъ бѣловатый цвѣтъ и солоноватость. Только къ вершинѣ Орхона показались лѣса на спускахъ и самые истоки находились въ альпійской мѣстности, обильной травами и лѣсомъ. Но эта уны-

лая и бѣдная на нашъ взглядъ мѣстность иною была для кочевниковъ, находившихъ и находящихъ здѣсь степное раздолье и обширныя пастбища. Особенно благоприятна и привлекательна мѣстность для кочевника въ долину Орхона на 80 в. къ югу отъ Угей-Нора, гдѣ долина расширяется до 30 и 40 в., представляя степное пространство. Здѣсь-то и избрала свою резиденцію Монгольская монархія, которой правились степи и раздолье. Съ вершинъ Хонда, поднявшись на высоту 4—5000 футовъ, мы любовались долиной Хора-Болгосуна и ея панорамой. Здѣсь былъ омбонъ Темиръ-Хана. Точно также видна была обширная степь съ башенъ развалинъ Хора-Болгосуна, дворца монгольскихъ хановъ; степная панорама замыкалась на сѣверѣ и югѣ дальними горами, съ одной стороны на оз. Угей, съ другой у монастыря Эрдени-Цзо, т. е. на разстояніи 70 или 80 вер. Вотъ эти-то панорамы и были, какъ видно, любимыми видами монгольскихъ властителей, духъ которыхъ желалъ властвовать надъ степями, а взоръ охватывать далекія перспективы. Здѣсь развивались ихъ честолюбивые замыслы. Съ другой стороны, долины Хангая и гольма предгорья были по вкусу кочевникамъ и соответствовали ихъ степнымъ привычкамъ. Они были, сравнительно, благоприятѣе и богаче растительностію настоящихъ пустынь Гоби, гдѣ кочевникъ ранѣе влечилъ свое существованіе.

Несмотря на бѣдную, сравнительно, природу и безлѣсную мѣстность, долина Орхона и Толы была для кочевника и даже для китайца мѣстностью удобною для жизни. Въ долину Орхона было положено начало земледѣлю плѣнниками Чингизъ-хана, а впоследствии китайскими военными поселеніями. По показанію Чанъ-Чуна, при Чингизъ-Ханѣ были на Орхонѣ пашни и хлѣбные магазины. Мы нашли китайскій памятникъ отъ министерства земледѣлія. По Джермантѣ сохранились слѣды орошенія и пашень. Мангу-Ю-Мадзи говоритъ, что на р. Джермантѣ были колоніи зеленаго знамени и что при Куанскихъ Тайдзу здѣсь пахали, какъ и по Орхону и Кокшинъ-Орхону. Изъ всѣхъ долинъ долина Долаха-Талаганъ, какъ видно, была цвѣтущая. Китайская колонизація и теперь движется по Орхону. Мы встрѣтили фанзы на устьѣ Хора-Гола, по Иро, по Широ и на Ургинско-Кяхтинскомъ трактѣ. До сихъ поръ китайцы по Орхону довольствуются въ долинахъ скудными клочками и ставятъ свои фанзы и земледѣльческіе хутора въ укромныхъ мѣстахъ, понемногу, съ терпѣніемъ, обрабатывая здѣсь клочки, которые бы не удовлетворили нашего крестьянина. Принимая во вниманіе эти условія, мы должны придти

къ слѣдующему выводу. Для европейца и культурнаго человѣка эта безлѣсная переходная мѣстность Монголіи бѣдна и уныла. Нѣтъ обильныхъ лѣсомъ долинъ, нѣтъ богатыхъ черноземныхъ пространствъ, нѣтъ многоводныхъ рѣкъ, нѣтъ идиллическаго пейзажа; но для тѣхъ, кто видѣлъ Гоби, кто обиталъ около нея, кто проходилъ пустыни, — для того горныя долины Хангая представляли приволье и цвѣтущую мѣстность. Такова оцѣнка, исходящая изъ сравненія.

Обратимся теперь къ исторіи посѣщенія этихъ мѣстностей Монголіи европейцами. Въ 1245 г., на совѣтѣ въ Лионѣ, папа Иннокентій IV рѣшилъ отправить на Востокъ двѣ миссіи изъ доминиканцевъ и францисканцевъ. Цѣль миссій была ознакомиться съ усиливающейся татарскою имперіей и со странами, незнакомыми тогда европейцамъ. Обѣ миссіи отправились въ 1245 году, имѣя цѣлью Каракорумъ, вблизи Байкала, какъ думали тогда.

Доминиканцы ѣхали моремъ до Сиріи; черезъ Мессопотамію и Сирію добрались до Харезмійцевъ, гдѣ встрѣтилъ ихъ монгольскій полководецъ Бачу. Они возвратились. Только монаху Андреасу Лунгамелю или Лунгимелю посчастливилось достигъ Каракорума. Францисканцамъ поручено было отправиться черезъ Европу къ Бату-Хану, князю кипчаковъ. Изъ Германіи они шли по Днѣпру, дошли до границы татарскаго ханства, были въ главной квартирѣ Бату-Хана, который далъ имъ проводниковъ до Каракорума. Къ востоку отъ рѣки Урала прошли киргизскія степи, проѣхали городъ Омилъ (основанный Кара-Хитанями), который находится къ востоку отъ оз. Балкаша на р. Эмилъ. Отсюда они шли до оз. Улунгура, гдѣ въ то время была орда наймановъ, и въ концѣ іюля достигли находившейся въ полу-днѣ отъ Каракорума резиденціи сына Огатая, Хакана, объявленнаго тогда великимъ княземъ. Однимъ изъ членовъ миссіи былъ Ріапо ді Сагрини; онъ описалъ нравы и обычаи татаръ. Его свѣдѣнія пополняются свѣдѣніями спутника его Венедикта изъ Польши.

Въ это же самое время совершилъ путешествіе въ центральную Азію король Арменіи, Гастонъ, который въ 1254 г. достигъ Каракорума, гдѣ пробылъ 6 недѣль. Гастонъ Гаригонъ, третій членъ той же королевской семьи, также путешествовалъ въ эти мѣста и оставилъ описаніе своего путешествія.

Но самая замѣчательная изъ миссій была миссія францисканца Вильгельма Рубруквуса, составившаго подробное и обстоятельное описаніе пути. Поводомъ къ послыжкѣ миссіи въ Азію послужилъ

крестовый походъ Людовика Святого въ 1248 г. Въ 1254 году французскій король рѣшилъ отправить двѣ миссіи въ Азію: одну черезъ Арменію, Персію и Туранъ, другую черезъ русскія и киргизскія степи. Первой миссіей руководилъ монахъ Андреасъ; объ ней не осталось свѣдѣній; второй—Рубруквисъ и Кремона. Рубрукъ или Рубруквисъ явился въ Крымъ, когда тамъ были еще Готы. Прошелъ близъ Азовскаго моря, посѣтилъ землю Номановъ, резиденцію Сор-така, достигъ Волги, посѣтилъ лагерь Бату-Хана. Всѣ свѣдѣнія его объ этихъ земляхъ драгоцѣнны. Наконецъ, пришелъ къ Уралу, къ сѣверу отъ котораго лежала страна Поскатеръ (Башкиръ). Этотъ народъ говорилъ тѣмъ же языкомъ, какъ венгры. Далѣе онъ ѣхалъ черезъ киргизскія степи, спустился въ долину Талоса. Въ той сторонѣ Талоса начиналось государство Мангу-Хана. Также посѣтилъ онъ городъ Эввіусъ, противъ нынѣшняго Токмака, прошелъ долину Или, гдѣ нашелъ мѣста, разоренныя Монголами, поднялся въ верховья Иртыша и оттуда вверхъ по теченію Зобхона шелъ по Монголіи. Здѣсь была устроена главная монгольская дорога и станціи. Миссія достигла ставки Мангу-Хана въ долинѣ, подобной морю. Здѣсь найдены были плѣнные европейцы: женщина изъ Метца, вышедшая замужъ за русскаго и французъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ Вильгельмъ Буше. Съ ордою миссіонеры прибыли къ вершинамъ Орхона и въ Каракорумъ. Здѣсь было 12 языческихъ храмовъ, 2 мечети, христіанская церковь. Жители были: Татары, Сарацины и Китайцы. Неподалеку, въ окруженномъ землянымъ валомъ городѣ находился дворецъ хана.

Съ развернутымъ французскимъ знаменемъ вошла миссія въ монгольскій городъ послѣ долгаго и тяжелаго странствія. На встрѣчу ей торжественно вышла христіанская община Несторіанъ и повела ихъ въ христіанскій храмъ, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ ¹⁾).

Рубруквисъ оставилъ любопытнѣйшія записки о пребываніи у Мангу-Хана, о Каракорумѣ и великолѣпнн ханскаго дворца.

Къ столицѣ Каракоруму, Холину китайскихъ источниковъ, были проведены дороги, наставлены станціи—Норинъ-Янъ. Окружность города Марко-Поло опредѣляетъ въ 3 мили, китайцы—въ 5 ли; Рубруквисъ сравниваетъ его съ Сень-Дени. Здѣсь были двѣ улицы,

¹⁾ Марко-Поло и другіе также свидѣтельствуютъ о существованіи христіанства въ этихъ мѣстахъ и съ исторіей Чингизъ-Хана связанъ рассказъ объ Унгъ-Ханѣ или пресвитерѣ Іоаннѣ, управлявшемъ восточными Тюрками или племенемъ Киренгъ.

нѣсколько базаровъ, дома государственныхъ секретарей и принцовъ. Городъ окружали поселенія ремесленниковъ, золото-ткачей, землевладѣльцевъ. Городъ этотъ существовалъ и до монголовъ. Онъ былъ основанъ Уйгурами въ VIII вѣкѣ; Хокасы также владѣли имъ; Кидани разрушили этотъ городъ и Анаки, основатель Киданей, поставилъ здѣсь монументъ и вырѣзалъ на немъ исторію своихъ подвиговъ. Китаецъ Мэнгу-Ю-Мадзи упоминаетъ, что въ Каракорумѣ былъ поставленъ памятникъ Тукюзескому хану. Холми играли роль еще долго послѣ паденія монголовъ и китайцы не разъ совершали къ нему походы. Изгнанный изъ Китая Темирханъ повелъ новый городъ въ долинѣ Орхона и обновилъ старый Каракорумъ.

О мѣстоположеніи, гдѣ находился Каракорумъ, существуетъ цѣлая литература. Его опредѣляли въ пяти различныхъ мѣстахъ. Такъ Абулгази помѣщаетъ его въ окрестностяхъ истоковъ рѣкъ Енисея и Селенги; Фишеръ — къ югу отъ Орхона, недалеко отъ рѣкъ Толи и Керулена; Патеръ, Гобель и Данвиль ставятъ подъ $44^{\circ}21'$ с. ш. и $103^{\circ}40'30''$ вост. д. Данвиль полагаетъ, что онъ лежалъ въ окрестностяхъ оз. Корахакъ-Улень-Норъ, Дегинъ также присоединяется къ этому мнѣнію.

Абель-Ремюза, однако, привелъ такую массу географическихъ и историческихъ данныхъ изъ китайскихъ перво-источниковъ, что положеніе Каракорума между Орхономъ и Тамиромъ, къ сѣверу отъ Хангая и къ югу отъ озера Угей-Нора стало вполне ясно. Абель-Ремюза ставитъ Каракорумъ въ широтѣ и долготѣ Хора-Болгосуна. О. Галинфъ, какъ и Клапротъ, ставитъ его также на Орхонѣ.

Изысканія Абель-Ремюза нашли себѣ подтвержденіе въ позднѣе опубликованныхъ маршрутахъ и дневникахъ китайцевъ Чань-Чуна и Чань-Дахе. Послѣдній дневникъ даетъ особенно точныя данныя для опредѣленія Каракорума. Всѣ урочища, описанныя имъ, сходятся съ дѣйствительностію. Сообразно этимъ указаніямъ шелъ г. Падеринъ изъ Урги и подтвердилъ все, что говорилось въ дневникахъ Чань-Дахе. Онъ нашелъ и развалины Хора-Болгосуна.

Открытіе г. Падерина, получившее европейскую извѣстность, было новымъ подтвержденіемъ того, что Каракорумъ находился въ долинѣ Орхона. Къ сожалѣнію, г. Падеринъ не имѣлъ карты и не могъ хорошенько ориентироваться относительно Хора-Болгосуна. Онъ опредѣляетъ его верстахъ въ 6—8 отъ Орхона. Ясно, что онъ не подходилъ къ Орхону. Его привезли со станціи только къ

развалинамъ. Но долина Далаха-Талагаинъ имъ описана вѣрно и онъ, несомнѣнно, былъ въ ней.

Комментаторъ Рубруквиса, Шмидтъ, и полковникъ Юль, знатоки литературы о Каракорумѣ, признали открытіе Падерина важнымъ. Вопросъ этотъ, однако, чрезъ нѣсколько времени снова подвергся сомнѣніямъ. Профессоръ А. М. Позднѣевъ отыскалъ въ монгольской лѣтописи, что монгольскій монастырь Эрдени-Цзо основанъ былъ на мѣстѣ столицы Оготая, гдѣ возобновилъ ее Темиръ-ханъ, а Аботай-Ханъ построилъ здѣсь монастырь. Это новое показаніе расходится съ мнѣніемъ г. Падерина, но тѣмъ болѣе представляло интереса собрать новыя точныя свѣдѣнія о положеніи развалинъ въ долинѣ Орхона.

При такихъ условіяхъ начали мы наши изысканія, явись въ долину Орхона. Первыя развалины встрѣчены были нами на р. Толъ. Это былъ прекрасный дворецъ сына Аботай-Хана, Ирхе-Мергенъ-Сайнъ-Кунтайдже XVI вѣка ¹⁾. Наконецъ, развалины монастыря на Хорухъ. Къ югу отъ Угей-Нора мы нашли нѣсколько развалинъ. Въ 5-ти верстахъ за Угей-Норомъ, къ югу отъ протока Хола, возвышался холмъ Тапинъ-Чиль, который оказался остаткомъ большого зданія съ гранитными пьедесталами.

Въ 50-ти верстахъ къ югу отъ Угей-Нора, и въ 1¹/₂ верстѣ отъ Орхона, мы встрѣтили развалины Хора-Волгосуна, остатки дворца, обнесеннаго глинобитною стѣною. Городъ имѣлъ 3 версты въ длину и 2¹/₂ въ ширину. Близъ дворца былъ открытъ разбитый гранитный памятникъ, съ изваянными драконами и надписями на томъ загадочномъ языкѣ, на которомъ сдѣланы надписи на камняхъ и скалахъ въ Минусинскомъ округѣ и южной Сибири. Такія же надписи открыты недавно въ пещерахъ Тарбогатая, на нѣкоторыхъ серебряныхъ сосудахъ, въ Вятской губерніи и на Минусинской Пайдзе, которую пробовалъ читать Клапротъ. Рядомъ съ этими надписями попадались китайскія надписи; мы скопировали и тѣ и другія, а два обломка съ надписями взяли и передали ихъ въ Императорскую Археологическую комиссію.

Пока шли топографическія работы на Хора-Волгосунѣ, мы въ

¹⁾ Что это дворецъ Ирхе-Мергенъ-Сайнъ-Кунтайдже—свидѣтельствуеетъ монументъ и камень близъ дворца съ надписью на монгольскомъ и тибетскомъ языкахъ. Снять его не удалось, за неимѣніемъ фотографическаго прибора. Отъ руки снимать было невозможно. Я просилъ консула въ Ургѣ позаботиться о снятіи этой надписи чрезъ грамотныхъ ламъ.

распросовъ узнали, что въ нѣсколькихъ верстахъ, на озерѣ Цаганъ-Норь, въ живописной мѣстности находится дворецъ ханши Тойтень, по преданію, жены Темиръ-хана.

Затѣмъ, проводникъ повелъ насъ на гору Хотондъ, гдѣ также оказались древніе памятники—омбонъ и 8-ми-угольная башня Темиръ-хана; отсюда открывалась панорама на долину Далагха-Талаганъ. При спускѣ съ горы, въ долину, у подножія Эрдени-Оломы увидѣли развалины деревни, находившейся въ 6 в. отъ развалинъ Хора-Болгосуна и главнаго города. Возвратясь въ Хора-Болгосунъ, мы съ топографомъ направились верхами по р. Джермантѣ до вершинъ ея, перешли черезъ перевалъ Ульнъ-Деба, вступили въ альпійскую мѣстность Хангай, и на 3-й день были у подножія Собуръ-Хойрхона, горы со снѣжными патнами, откуда вились истоки Орхона, образуя на склонахъ горы озеро.

Осмотрѣвъ вершины, мы выѣхали изъ альпійской мѣстности на Цицерлигъ, притокъ Тамира.

Слѣдуя по Джермантѣ, мы видѣли также древніе остатки построекъ и множество могильниковъ и керексургъ, а при впаденіи р. Хора-Худжиръ мы встрѣтили остатки ирригаціи и каменные „було“ для молотбы и жернова. Верстахъ въ 35-ти къ юго-западу, по Джермантѣ мы встрѣтили означенные на древнихъ китайскихъ картахъ горячіе желѣзистые ключи, около нихъ находилась кумирня и 10 ваннъ, а вблизи обратили на себя наше вниманіе гранитные выдолбленные желоба, служившіе когда-то украшеніемъ цистернъ. Здѣсь были, вѣроятно, ханскія ванны. Затѣмъ, около горячихъ ключей были развалины зданія, глинобитныя стѣны котораго сохранились. Въ вершинахъ Джерманты на Цоганъ-Суму и Какъ-Суму мы нашли опять слѣды зданій. Видно, что и вершина Джерманты была заселена.

Приблизясь къ монастырю Эрдени-Цзо и Кокшинъ-Орхону, мы нашли также слѣды валовъ и развалинъ и слѣды поселеній, называвшихся Хонзынъ-Хото и остатки какого-то укрѣпленія. Въ самомъ монастырѣ находилось множество древностей съ китайскими, арабскими и монгольскими надписями; ламы ихъ искажали, рисуя на нихъ свою буддійскую символистичну, или употребляя ихъ, при постройкѣ кумиренъ, на фундаменты.

Это обиліе древностей было для насъ неожиданно и доказывало только, что мы находились въ долину, когда-то густо заселенной почти на 80 верстъ отъ самаго Угей-Нора. Это подтверждалось и историческими свидѣтельствами китайскихъ лѣтописей

и монгольской исторіей. Уже Чань-Чунь видѣлъ развалины городовъ въ долинѣ Орхона. При Чингизь-Ханѣ на Орхонѣ было военное поселеніе и городокъ Чжинь-хой-чэнь, подъ начальствомъ Чжинь-хой, который начальствовалъ надъ 300 домами золото-ткачей изъ западныхъ краевъ и 300 домами шерстяно-ткачей изъ Китая. Ремесленники были переселены изъ Туркестана послѣ похода Чингизь-Хана. Другой путешественникъ, Чжинь-До-Хай, упоминаетъ о Киданскихъ развалинахъ на Толѣ и мѣстечкахъ Вилехе-ду, гдѣ жили мастеровые, выдѣлывавшіе луки. Оготай-ханъ въ 1234 г. (7-ой годъ царствованія), обвелъ Уйгурскій Каракорумъ стѣнами и построилъ въ немъ дворецъ Общаго міра — Вань-Онь-Кунгъ. Въ 9-й годъ, т. е., въ 1236 г., императоръ перешелъ жить въ другой дворецъ Кіо-Кіанъ-Тиса, въ 70 ли къ сѣверу отъ Холина, гдѣ былъ городъ Фу-линь. Въ слѣдующемъ году, составленъ былъ планъ дворца въ 30 ли отъ Холина. Здѣсь учреждено было областное правленіе, перенесенное потомъ въ Холинъ. О резиденціяхъ ханшъ нѣсколько разъ упоминаютъ путешественники и гѣогнеисы. Что же удивляться слѣдамъ обширныхъ поселеній по Орхону?

Согласно историческимъ указаніямъ, выяснилось уже, что Каракорумъ или Холинъ находился при монголахъ въ 100 ли къ юго-западу отъ Угей-Нора, между Тамиромъ и Орхономъ; какъ разъ въ этой мѣстности—между Джермантой и Орхономъ—мы видимъ обширныя развалины. Такъ названіе Хола здѣсь доселѣ сохраняется; нѣкоторыя рѣки, впадающія въ Орхонъ, носятъ древнее названіе Норинъ; озеро Цецекъ-Норъ, на которомъ охотились ханы, находится около Джерманты; подобно этому озеру сохранило древнее названіе и озеро Цаганъ-Норъ.

Наконецъ, исторія сохраняетъ преданіе о горѣ Коу-ли-tha-ha или Куть-Тагъ. Объ ней упоминаетъ Рашидъ-Эддинъ и китайскіе авторы. Гора эта находилась близъ другой горы Уте-кенъ, Ту-вей-кюнъ или, по догадкѣ Абель-Ремюза, Ту-хинъ. Названія этихъ горъ сохранились отъ времени господства Тукюэ и Хой-хо Уйгуровъ. Гора эта „гора счастья“, такъ какъ благополучіе государства было въ зависимости отъ нея, и когда китайцы хитростію отняли у Уйгуровъ этотъ залогъ небснаго покровительства, Уй-Лунь, 13-й король Уйгуровъ, умеръ и народъ его разсѣялся. Эта же легенда о „горѣ счастья“ разсказывается въ долинѣ Далакка-Талаганъ и теперь, про гору Эрдени-Оло, чтѣ около Хора-Болгосуна. Къ этой горѣ примыкалъ Каракорумъ.

Такимъ образомъ, географическія показанія и древнія преданія

сходятся и говорят ясно, что Каракорумъ находился именно въ этихъ мѣстахъ.

Къ дальнѣйшему разъясненію этого вопроса, можетъ быть, послужать находимыя надписи. Въ 15-ти верстахъ отъ Хора-Волгосуна мы натолкнулись на богатые могильники, изукрашенные статуями и каменными таблицами. На этихъ таблицахъ было до 40 строкъ руническихъ знаковъ рядомъ съ китайскими, которые, можетъ быть, и дадутъ необходимыя поясненія.

Тѣмъ временемъ въ виду того, что, по опредѣленію полковника М. В. Пѣвцова, озеро Угей-норъ находится подь $47^{\circ} 47' 23''$ с. ш. и $102^{\circ} 45' 25''$ в. д. отъ Гр. мы полагаемъ Каракорумъ въ пунктѣ, географическія координаты коего $47^{\circ} 15'$ с. ш. и $102^{\circ} 20' 15''$ в. д. отъ Гр.

Переходя отъ прошлаго Монголіи къ современному ея положенію, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ, чтобы опредѣлить наше къ ней отношеніе. Это тѣмъ необходимѣе что значительная часть Монголіи соприкасается съ нашими вѣжно-сибирскими границами. Черезъ Монголію проходитъ нашъ трактъ въ Китай; въ Ургѣ, Улясутаѣ, Кобдо уже живутъ русскіе торговцы; черезъ Ургу тянутся чай изъ Китая въ Кяхту...

Монголія не можетъ болѣе угрожать ни Европѣ, ни намъ нашествіемъ своихъ ордъ, монголь теперь рабъ Китая; подь вліяніемъ проникшаго въ Монголію изъ Тибета буддизма измѣнились нравственныя, духовныя и экономическія потребности монгола. Повсюду въ горахъ и долинахъ, рядомъ съ кочевымъ населеніемъ и его юртами, встрѣчаются ламайскіе монастыри или курени, которые составляютъ своего рода центры осѣдлости, имѣющіе вліяніе на все окружающее населеніе. Въ сферѣ административной, и въ области экономической, торговой мы видимъ въ Монголіи китайское вліяніе. Китайская мода положила печать на монгольскій бытъ, монголы одѣваются китайскими тканями, употребляютъ китайскія произведенія, и китайцы-торговцы ютятся около монгольскихъ монастырей.

Урга, этотъ первостепенный буддійскій центръ въ сѣверо-восточной Монголіи, насчитывающій въ своихъ стѣнахъ до 10.000 монаховъ, представляетъ отраженіе столкнувшихся различныхъ культуръ; здѣсь ламайскій пуризмъ и шетизмъ соперничаетъ съ китайскимъ рационализмомъ, практичностью и китайскимъ животнымъ эпикуреизмомъ. Китаецъ культурнѣе монгола, но онъ не имѣетъ

на него умственного и нравственного влияния; первенство осталось за тибетскимъ монахомъ.

Между тѣмъ, уже привитіе буддизма къ Монголіи доказываетъ пробужденіе нравственныхъ и духовныхъ потребностей у этого народа. На буддизмъ у монголовъ должно смотрѣть, какъ на культурный шагъ, послѣ котораго Монголіи, испытавшей влияние Тибета и Китая, предстоитъ еще вынести влияние культуры европейской. Откуда же придетъ она? Естественно, нашему вниманію придется остановиться на русскихъ центрахъ близъ границъ Монголіи. Такими центрами русской культуры должны явиться города, какъ Бяхта, гдѣ заключены трактаты съ Китаемъ, и русскія факторіи въ китайскихъ городахъ, какъ напр. въ Ургѣ.

Къ сожалѣнію, несмотря на давнія сношенія и трактаты, заключенные въ прошломъ столѣтіи, наше культурное влияние не было сильно въ сосѣдней Монголіи. Время, однако, дѣлало свое и вызывало насъ на новыя задачи. Русскія произведенія всетаки проникали въ монголамъ. Мы встрѣтили въ Монголіи и русскій топоръ, и русскій гвоздь, и русское суево. Монголъ участвуетъ въ кяхтинской торговлѣ посредникомъ и вощикомъ. На границахъ завязались прочныя сношенія. Урга имѣетъ русское генеральное консульство, которое поддерживаетъ русскихъ людей и русскую торговлю. Между китайскимъ Маймачиномъ и ламайскими кумирнями Урги воздвигались русскія зданія и домъ консула съ русской церковью; предполагается школа переводчиковъ, строятся русскіе мосты черезъ монгольскія рѣки и можно надѣяться, что скоро будутъ созданы русскія станціи между Ургою и Бяхтой. Русскія лавки стоятъ въ Ургѣ и русскія произведенія имѣютъ здѣсь свои образцы. Нѣтъ сомнѣнія, что русскія произведенія, при развитіи заводской и фабричной дѣятельности въ Сибири, найдутъ сбытъ въ Монголію. Но, если бы въ области экономической мы и не достигли сразу побѣды, у насъ найдется еще сила, о которой я хочу сказать нѣсколько словъ. Это сила просвѣщенія и настоящей цивилизаціи, которая можетъ посоперничать съ ламаизмомъ и буддійскимъ влияніемъ. У насъ найдется и выгодный посредникъ и союзникъ для ознакомленія Монголіи съ русскою народностію и русскою культурой, это наше инородческое населеніе за Байкаломъ, которое уже поддается русскому влиянію. Наши буряты, какъ я замѣтилъ въ Забайкальѣ, выражаютъ типъ переходной культуры къ осѣлости и земледѣлію.

Много преувеличенныхъ опасеній высказывается въ послѣднее время по поводу распространенія буддизма и ламаизма за Байка-

ломъ. Но проникновеніе буддизма у насъ относится къ прошлому, и его нечего пугаться въ будущемъ. Изъ этнографическихъ наблюдений надъ жизнью буритъ и инородцевъ за Байкаломъ мы вынесли убѣжденіе, что ламаизмъ за Байкаломъ не можетъ быть сравниваемъ съ монгольскимъ ламаизмомъ. Въ Монголіи ламаизмъ сила, господствующая религія, тамъ онъ господинъ и хозяинъ; у насъ этотъ ламаизмъ—гость, только терпимый.

Закваску монгольскому ламаизму положилъ искусный тибетскій монахъ. У насъ вліяніе Тибета было слабо и пропагандистомъ у нашихъ бурятъ, въ области ламаизма, явился монголъ, самъ человѣкъ невѣжественный. Просвѣщенію здѣсь, поэтому, восторжествовать легче, а въ силу постоянныхъ сношеній, инородческой элементъ нашъ покладистѣе и культурная отзывчивость его сильнѣе.

Почва просвѣщенія самая удобная для сближенія. Мы можемъ подтвердить это примѣрами. Забайкальскіе ламаисты, съ которыми мы познакомились въ Гусино-Озерскомъ, выказывали замѣчательные признаки преданности, гостепримства и утонченной вѣжливости къ русскимъ путешественникамъ и гостямъ. Я не говорю уже о томъ, что наши буддисты были покорны властямъ и исполнили всѣ ихъ требованія. Въ послѣднее время у нихъ дѣлаются попытки знакомиться съ русскимъ просвѣщеніемъ. Они знакомятся съ русскими книгами, они становятся любознательными; русскіе фотографы являются въ монастыри и имѣютъ безпрепятственный доступъ, доказательствомъ чего служитъ масса фотографій, снятыхъ г. Чарушинымъ. Забайкальскій Хомбо-Лама, Д. Г. Гомбоевъ, снабдилъ музей Восточно-Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества массой предметовъ буддійскаго культа и, благодаря этому, въ Восточно-Сибирскомъ отдѣлѣ въ Иркутскѣ была прошлой зимою устроена большая выставка, сосредоточившая до 600 предметовъ и снимковъ. До 10 ламъ записались въ члены Географическаго Общества. Все это такого рода признаки, которые обнаруживаютъ, что русскіе ламаисты далеко не такъ фанатичны и безнадежны и мы полагаемъ, что духъ христіанской терпимости, кротости и любви довершить побѣду.

Вѣря въ животворную силу цивилизаціи, въ ея гуманизирующее вліяніе, въ ея несокрушимую мощь, мы убѣждены, что монгольскій міръ, при помощи друзей просвѣщенія, точно также ощутитъ ея вліяніе, и это и будетъ культурная стадія, которой завершится исторія дикой Монголіи.